

Зайцева Татьяна Борисовна

**КИРКЕГОРОВСКАЯ "ПРОБЛЕМА ЗООПАРКА"**

В статье оригинально рассматривается один из аспектов философской концепции Киркегора о трех экзистенциальных сферах и юморе как переходной форме между этической и религиозной стадиями. Автор статьи выделяет киркегоровскую "проблему зоопарка" как проблему неразрешимого противоречия между религиозностью и повседневностью, примириться с которым возможно только посредством юмора.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/27.html](http://www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/27.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 89-91. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

УДК 141.32

**Философские науки**

*В статье оригинально рассматривается один из аспектов философской концепции Киркегора о трех экзистенциальных сферах и юморе как переходной форме между этической и религиозной стадиями. Автор статьи выделяет киркегоровскую «проблему зоопарка» как проблему неразрешимого противоречия между религиозностью и повседневностью, примириться с которым возможно только посредством юмора.*

*Ключевые слова и фразы:* эстетическая и религиозная экзистенции; богоотношение; абсолютное и релятивное; повседневность; внутренняя и внешняя религиозность; юмор.

**Зайцева Татьяна Борисовна**, к. филол. н., доцент  
Магнитогорский государственный университет  
tbz@list.ru

### КИРКЕГОРОВСКАЯ «ПРОБЛЕМА ЗООПАРКА»<sup>©</sup>

Философ-экспериментатор (ставивший экзистенциальные эксперименты прежде всего на собственной жизни и конструирующий их в своих книгах) и любитель гипотетических ситуаций, выявляющих экзистенциальное значение того или иного явления, Киркегор в своем итоговом обобщающем труде «Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»» (опубликован в 1846 году под псевдонимом Йоханнес Климакус) помимо прочего предлагает читателю задуматься над тем, *как должен религиозный человек относиться к посещению зоопарка*. Насколько такое незатейливое развлечение соотносится с серьезными экзистенциальными намерениями религиозного человека и как поход в зоопарк сочетается с богоотношением личности и религиозной верой индивидуума?

Киркегор выделяет два типа религиозности: внешнюю, или официальную, религиозность (тип А) и внутреннюю, подлинную, религиозность (тип В). Принятие христианства (так же как усвоение христианского учения в детстве), по убеждению философа, еще не делает человека христианином. Можно, будучи, предположим, миссионером, приобщать к христианству целые народы, но при этом самому не быть истинным христианином: «индивидуум может изменять мир, при этом не затрагивая внутреннюю экзистенцию» [1, с. 495].

Подлинная религиозность требует от человека порыва, полной самоотдачи, внутреннего личного усилия, постоянного напряжения, готовности «жить и умереть» в учении, «рискнуть ради него всей своей жизнью» [Там же, с. 700]. Эстетик, по остроумному замечанию Киркегора, может лишь давать свидетельские показания о вечном блаженстве, но религиозный человек превращает «всю свою экзистенцию в свидетельство о нем» [Там же, с. 451].

Религиозная экзистенция – это внутренняя религиозность, в основе которой лежит страдание. Абсолютное отношение к абсолютному (без уловок мирской, «жалкой маклерской мудрости») в конечном смысле (то есть в конечности, во временном) ничего не дает человеку: «здесь ничего получить нельзя, лишь все потерять» [Там же, с. 460]. Наслаждение от любой рефлексии по поводу Бога (будь то гениальный опус религиозного поэта, или искусная проповедь пастора, или размышления во время воскресного еженедельного посещения церкви как способа отдать возложенную извне дань) приводит к эстетизации религиозности, переводя внутреннее во внешнее, тем самым преобразуя религиозный порыв в эстетическое наслаждение, лишая религиозность ее краеугольного камня, ее сущности – страдания. Вера эстетика – это вера в счастье: вечное блаженство воображается им чем-то вроде награды и даже входит для него в список «хороших вещей», которые неплохо было бы для себя желать. Но истинная вера, присущая сфере религиозного, живет лишь в ожидании вечного блаженства как абсолютного телеса и возвышает человека через страдание.

И с этой точки зрения Киркегор размышляет, как абсолютное богоотношение человека проявляется в обыденной жизни или как соотносятся религиозная экзистенция, сущность которой заключается в страдании, и повседневность, не лишенная наслаждений и подталкивающая человека к мечтам о счастье (к релятивным целям).

Несмотря на высоту собственных духовных порывов Киркегор никогда не чуждался повседневности, сознавая повседневность как неизбежную составляющую экзистенции любого человека. Более того, именно повседневностью, на его взгляд, проверялась серьезность решимости человека быть этико-религиозным индивидуумом: «Ведь и в будничной комнате должно состояться сражение, чтобы битва религиозности не превратилась в торжественную смену караула раз в неделю» [Там же, с. 532].

Киркегор показывает, как на религиозной стадии резко заявляет о себе противоречие между высоким порывом к Богу и низкой будничной жизнью, неизбежно наполненной глупыми мелочами, приносящими радость. Таким образом, и становится актуальной «проблема зоопарка», проблема ассимиляции религиозного в повседневную жизнь или повседневности в религиозную сферу.

Мы не будем воспроизводить все перипетии и детали той гипотетической экзистенциальной ситуации, которую виртуозно в плане диалектики конструирует Киркегор под маской Йоханнеса Климакуса, так как

разбираться во всей разногласии «легкой на подъем, танцующей и фехтующей» [2, с. 16] страстной киркегоровской мысли должен непосредственно читатель, но попытаемся определить некоторые важные моменты, прояснившиеся для нас в результате «непрямого общения» с текстом датского философа.

Йоханнес Климакус «засыляет» некоего шпиона (не сам ли это Киркегор?) понаблюдать за жизнью людей. В «мысленном эксперименте, осуществляемом поэтическим образом» [3, с. 749], условно можно выделить следующие фигуры:

1) пастор (как язвительно говорит Киркегор, «толковый человек»), помогающий «заштопать» разрывающуюся экзистенцию, который произносит каждое воскресенье вдохновенную пафосную проповедь и претендует на истинную религиозность, но таковой не обладает, так как перевод религиозного в сферу эстетического (а это происходит, например, во время наставительной проповеди, построенной по законам ораторского искусства) обесценивает экзистенциальное намерение проповедника;

2) обыкновенный человек, который демонстрирует религиозность по воскресеньям (иногда даже искренне), в остальные же дни становится, предположим, «приват-доцентом» (одно из любимых обозначений Киркегором типичного обывателя-интеллигента) и всю неделю напролет не вспоминает о Боге;

3) обыкновенный человек, который вступил на путь религиозности, а потому старается избегать релятивных целей, развлечений всякого рода (к примеру, посещения зоопарка) как несовместимых с его серьезными абсолютными намерениями по отношению к Богу.

Первый и второй типы для Киркегора суть эстетики, для которых «проблема зоопарка» вовсе не существует, так как походы такого рода не более чем эстетический поиск интересного в жизни, мимолетный поиск наслаждения. Их богоотношение релятивно, их религиозность лишь иллюзия, они укоренены в конечности.

Сложнее обстоит с третьим типом, поскольку он (гипотетически) обладает религиозностью В, то есть внутренней, а не внешней. Простой поход в зоопарк может привести истинно верующего в ужас, потому что религиозный человек не может «сделать конечность соизмеримой» абсолютному богоотношению [1, с. 554]: «Ты содрогнешься, ты будешь искать отговорки, тебе будет казаться, что есть все же более высокие цели, ради которых можно жить» [Там же]. Развлечение грозит искушением непосредственности (эстетического): «необходимо точнее понять конкретную трудность этой задачи, чтобы экзистенциальный пафос не был отозван назад в эстетический пафос» [Там же, с. 493].

Для датского философа вопрос о зоопарке ни в коем случае не переходит в разряд комического, очевидный киркегоровский юмор здесь – только внешнее проявление сложности этико-религиозной проблемы. Задача экзистирующего в религиозной экзистенции, как она сформулирована Киркегором, – абсолютно относиться к абсолютному телосу и релятивно к релятивным целям [Там же], при этом экзистируя в поле абсолютного богоотношения. Насколько это осуществимо не в абстрактном мысленном эксперименте, а в конкретности человеческого существования, точнее говоря, в будничности?

Философская парадигма Киркегора о трех сферах экзистенции (эстетической, этической и религиозной) включает и понятие о «двух пограничьях»: «ирония – это пограничье между эстетическим и этическим, юмор – это пограничье между этическим и религиозным» [Там же, с. 574].

Ужасное и трагическое (поскольку неразрешимо), на первый взгляд, противоречие между временным и вечным, абсолютным и релятивным снимается с помощью юмора. «Религиозное не спорит с эстетическим как со своей ровней... оно преодолело его как шутку» [Там же, с. 504], – замечает философ. Юмор – оправданная с точки зрения религиозной экзистенции форма комического (в отличие от иронии, смысл которой в уничтожающем отрицании). «Юмор оправдан именно благодаря своей трагической стороне, благодаря тому, что он примиряется с болью» [Там же, с. 596], – убеждает Киркегор.

Философ подчеркивает, что хотя комическое несовместимо с религиозным, но именно юмор, *примиряющий* с противоречием, подготавливает *переход* к истинно религиозному: «Комическое восприятие выставляет противоречие, или дает ему стать явным, держа при этом выход *in mente*, почему оно и является безболезненным» [Там же, с. 591].

Киркегор приходит к выводу: «Глубоко внутри себя религиозный человек менее всего является юмористом, напротив, он абсолютно занят своим богоотношением. Он помещает комическое между собой и другими не для того, чтобы рассмешить их или посмеяться над ними (подобная направленность вовне уводит от религиозности), но поскольку он, в силу того что истинная религиозность – это сокрытая внутренность, не смеет выражать свою религиозность во внешней сфере, ибо она тем самым делается мирской, то он постоянно обнаруживает противоречие; и именно потому, что ему никак не удастся в полной мере отозвать назад свою внутренность, юмор становится его инкогнито и приметой» [Там же, с. 582]. Юмор становится «инкогнито и приметой» и самого Киркегора, скрывшегося за персонажем-псевдонимом «юмористически экспериментирующего психолога» Йоханнеса Климакуса [2, с. 16].

Таким образом, киркегоровская «проблема зоопарка» оказывается связанной и с проблемой сокрытости религиозности. Подлинная религиозность – сокрытая религиозность – проявляется только в молчании, настаивает философ. Если религиозность становится внешней, она теряется, так как экзистенциальный пафос скатывается в эстетический. Попытка перевести экзистенциальный пафос в слова обречена на эстетизацию религиозности, искажение ее сущности, ибо истинная религиозность – всегда внутренняя.

Молчание хранит абсолютное богоотношение («невыразимое»), а слова овнешняют религиозность и лишают ее подлинности. Вот почему защиту христианства в сочинении «Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»» осуществляет «молчаливый» Киркегор: «говорят» его псевдонимы-персонажи.

Вот почему религиозная стадия человека предполагает самую обычную жизнь и погружение в повседневность, в которой человек скорее молчит о Боге, чем провозглашает его. «Он живет в конечности, но не ей принадлежит его жизнь» [1, с. 469].

Именно повседневность ярко демонстрирует абсолютное различие между Богом и человеком. Экзистирующий человек, осуществляющий религиозный выбор и существующий в обыденности, достоин большего уважения, чем индивидуум, сбегающий от неразрешимых противоречий в монастырь. Идти в зоопарк или идти в монастырь – именно так заостряет проблему подлинной религиозности человека Киркегор.

Йоханнес Климакус размышляет о том, что Средневековье привело человека к тому, что иного серьезного выхода сохранить истинную религиозность, нежели как уйти в монастырь, в те времена не было, но, по сути, и уход в монастырь не был настоящим выходом, ибо рождал отчаяние, в конечном итоге удаляя от Бога. Почему? Уход из мира – это лишь внешний шаг. Экзотический путь в монастырь означает, по Киркегору, вдохновенную попытку *сравняться* с Богом. Однако возможно лишь *равенство любви* между Богом и человеком, которое выражается не иначе чем через смиренное признание человеческой *малозначительности* перед Богом.

Человек – Ничто перед Богом, – настаивает Киркегор, – а если богоотношение выражается в иных формах, стоит говорить лишь о типе религиозности А. «Религиозный человек выбирает путь в зоопарк... Почему он забавляется? Потому что – это смиреннейшее выражение богоотношения, признать свою человечность, а забавляться – это как раз по-человечески» [Там же, с. 564].

Сражение в повседневности («в будничной комнате... так как победа должна заключаться именно в том, чтобы будничная комната стала святилищем» [Там же, с. 533]) – наитруднейшая задача этико-религиозного человека, поскольку экзистирование, по Киркегору, – это существование в непрерывном движении. И тому, кто выбрал путь истинного христианина, то есть абсолютное богоотношение, или, как пишет философ, «страдал «хотя бы только начало абсолютного религиозного отношения» [Там же, с. 558], никоим образом не гарантировано пребывание в религиозной экзистенции раз и навсегда, «потому что только на бумаге человек, покончив с первым моментом, дальше уже не имеет с ним никакого дела... Экзистирующий не абстрактный *x*, который что-то оставляет позади и затем идет дальше, проходя по жизни, если можно так сказать, в неперевааренном виде, но экзистирующий остается конкретным в пережитом и, идя дальше, удерживает его при себе и, значит, каждое мгновение может его потерять» [Там же, с. 559].

Смирению оставаться в повседневности, при этом напряженно и страстно сохраняя абсолютное богоотношение, быть *обыкновенным человеком*, страдая от невозможности сделать временное соизмеримым вечному, и при этом абсолютно относиться к абсолютному телосу и релятивно к релятивному, благодаря юмору примиряясь с неразрешимым противоречием между ними, – вот проявление подлинного мужества и духовной силы сокрытой религиозности, согласно Киркегору. Вот решение «проблемы зоопарка» этико-религиозным человеком.

#### Список литературы

1. Киркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Минск: И. Логвинов, 2005. 752 с.
2. Щитцова Т. В. Киркегор постфактум // Киркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Минск: И. Логвинов, 2005. С. 9-18.
3. Щитцова Т. В. Примечания // Киркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Минск: И. Логвинов, 2005. С. 731-749.

#### KIERKEGAARD'S "PROBLEM OF ZOO"

Zaitseva Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
Magnitogorsk State University  
tbz@list.ru

The article considers one of the aspects of Kierkegaard's philosophical conception about three existential spheres and humor as a transitional form between ethical and religious stages in a special way. The author of the article emphasizes Kierkegaard's "problem of zoo" as the problem of unsolvable contradiction between religiosity and everyday life, which can be reconciled to only by means of humor.

*Key words and phrases:* aesthetic and religious existences; attitude to God; absolute and relative; everyday life; internal and external religiosity; humor.